

КЭТРИН ФЛЕТЧЕР

КРАСОТА И УЖАС

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ
ИТАЛЬЯНСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Хардкорная история. Исторические
события в современном прочтении

Кэтрин Флетчер

**Красота и ужас.
Правдивая история
итальянского Возрождения**

«ЭКСМО»

2020

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)

Флетчер К.

Красота и ужас. Правдивая история итальянского Возрождения
/ К. Флетчер — «Эксмо», 2020 — (Хардкорная история.
Исторические события в современном прочтении)

ISBN 978-5-04-113907-0

Что мы на самом деле знаем об эпохе Возрождения? Эпоха богатых покровителей искусства, развития технологий, открытия новых континентов. Но вместе с тем – время, когда процветали коварство и коррупция, войны между республиками, жестокость, голод, проституция и эпидемии. Историк Кэтрин Флетчер в своей книге демонстрирует истинное лицо Ренессанса во всем своем многообразии. Банкиры, священники, женщины-писательницы, еврейские торговцы, наемники, инженеры, проститутки и фермеры – все они играли ничуть не меньшую роль, чем Медичи и Макиавелли, Леонардо и Микеланджело. Эта книга – удивительное путешествие по противоречивой и мрачной эпохе, заложившей фундамент нашей современной цивилизации. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)

ISBN 978-5-04-113907-0

© Флетчер К., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Вступление. 1492 год	6
Глава I. XV век	14
Глава II. За Альпами	23
Глава III. 1494: французское вторжение	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Кэтрин Флетчер

Красота и ужас. Правдивая история итальянского Возрождения

Catherine Fletcher

The Beauty and the Terror: An Alternative History of the Italian Renaissance

© Catherine Fletcher 2020

© Новикова Т. О., перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Посвящается моим ученикам

Вступление. 1492 год

Накануне смерти Лоренцо Медичи Великолепного во Флоренции происходили зловещие события. Молния поразила купол собора. В дворцовом зверинце подрались два льва. А когда ночью 8 апреля 1492 года первый гражданин Флоренции и великий покровитель литературы и искусства Ренессанса умер на своей вилле в Кареджи, в трех милях к северу от города, поползли неизбежные слухи об отравлении. Среди ночи из Флоренции выехал гонец, который доставил печальные новости в Рим сыну Лоренцо, кардиналу Джованни де Медичи.

К периоду жизни Лоренцо династия Медичи из богатых торговцев и олигархов превратилась в фактических правителей Флоренции. Лоренцо не обладал банкирскими талантами своего деда. Банк Медичи, источник богатства семьи, в 70–80-е годы XV века нес большие убытки. И главную роль в финансовом благополучии семейства стали играть доходы флорентийского государства. Другими словами, Медичи беззастенчиво запустили руку в казну. Семья располагала множеством роскошных загородных вилл, Лоренцо собрал потрясающую коллекцию книг и произведений античного искусства. Он и сам писал стихи. Лоренцо умер, когда ему было всего сорок три года. На смертном одре он горько сожалел, что не увидел «завершенной свою великолепную греческую и латинскую библиотеку». Спустя несколько десятилетий, вспоминая смерть Лоренцо Великолепного, флорентийский государственный деятель и историк Франческо Гвиччардини назвал это событие «горестным ударом для его страны». «Репутация, благочестие и гений» Лоренцо помогли поддерживать в Италии «долгий и надежный мир». Он умело сдерживал амбиции неаполитанского короля Фердинанда и регента Милана, Лодовико Сфорца.

Подобное восприятие можно в лучшем случае назвать идеализированным, а в худшем – абсолютно ложным: главным для Лоренцо всегда были политические интересы семьи, а его стремление упрочить положение Медичи нанесло серьезный ущерб равновесию на Аппенинском полуострове¹. По стратегическому плану Лоренцо его дочь Маддалена вышла замуж за племянника папы Иннокентия VIII, а его наследник Пьеро женился на наследнице неаполитанского престола Альфонсине Орсини. (Вскоре Пьеро прозвали Невезучим за катастрофически неудачное управление Флоренцией и делами собственной семьи; чем ближе подходили Медичи к династической власти, тем тяжелее обрушивалось на них проклятие династий: старший сын не всегда оказывался тем, на кого можно положиться.) Но главным – и самым успешным – замыслом Лоренцо была кардинальская шапка для второго сына, Джованни. И он добился этого в 1489 году, когда Джованни было всего тринадцать лет. К моменту смерти отца ему исполнилось шестнадцать. Лоренцо советовал сыну жить в Риме, этом «вертепе всяческих пороков», скромно.

«Красивый дом и хорошая семья лучше большой свиты и роскошного дворца. Твой вкус лучше проявится в приобретении немногих изящных памятных предметов античности или в собирании красивых книг. Пусть лучше гости твои будут образованными и хорошего рода, чем многочисленными».

Кардинальская роль Джованни была, конечно же, религиозной.

«Ныне вы посвящены Господу и Церкви: посему надлежит вам быть добрым священнослужителем и показывать, что честь и состояние Церкви и апостольского престола для вас пре-

¹ Mallett and Shaw, 11.

выше всего. И пока вы помните об этом, вам легко будет почитать свою семью и родной город [...], не забывая, однако, что интересы Церкви для вас всегда остаются наиважнейшими»².

Вряд ли Лоренцо рассчитывал, что сын воспримет такой совет буквально, да он и не стал. Непотизм³ кардинала Джованни не оказал доброй услуги Церкви, нуждающейся в реформе, но семейное состояние не только сохранилось, но и преумножилось.

В то время Италия вступала в период серьезных перемен. Как и территория, которую мы сегодня называем Германией, Апеннинский полуостров в конце XV века не был единой страной – объединение Италии произошло лишь во второй половине XIX века. Полуостров представлял собой множество мелких государств. Крупнейшими из них были две республики, Венеция и Флоренция, и три княжества: королевство Неаполитанское, герцогство Миланское и папская область, фактическим монархом которой являлся папа, наместник Христа на земле. (Во всех итальянских королевствах, герцогствах и маркизатах имелся один наследный правитель, но разные титулы показывали разную степень знатности.) Политический баланс между этими государствами и без того был шатким, и смерть второго папы за три месяца еще больше грозила дестабилизировать ситуацию.

25 июля 1492 года умер папа Иннокентий VIII. Всего несколькими месяцами ранее он устраивал грандиозное празднование в Риме. В воскресенье 5 февраля папа в белых одеждах под проливным дождем прошествовал от своей резиденции в Ватикане к церкви святого Иакова на пьяцца Навона, центру религиозного поклонения испанской общины Рима. Здесь среди епископов и кардиналов папа Иннокентий возблагодарил Господа за победу короля и королевы Испании над маврами Гранады. С 711 года мавры правили значительной частью Иберийского полуострова. Этот период был временем сосуществования разных общин, порой спокойного и благополучного, порой переходящего к насилию. Вначале политические союзы периодически заключались, невзирая на религиозные различия, но постепенно мусульмане стали отступать под натиском их соперников, христиан. Так началась Реконкиста, отвоевание Испании у мавров. Тактика христиан становилась все более жестокой. В конце Реконкисты последний эмир Гранады, Боабдиль (Мухаммед XII), попытался заключить договор с испанскими монархами, Фердинандом Арагонским и Изабеллой Кастильской, чтобы справиться с соперниками внутри собственной семьи. Но это его не спасло. 2 января 1492 года во время роскошной, но унижительной церемонии он передал ключи от своего города королю и королеве. Так был положен конец более чем семивековому мусульманскому владычеству в Западной Европе.

За преданность делу христианизации Испании и обращения в христианство других народов Фердинанд и Изабелла получили титул католических монархов. Они заключили брак в 1469 году. После смерти брата и сводного брата Изабелла стала полноправной королевой и сумела отстоять свой трон от посягательств племянницы. Фердинанд и Изабелла правили Испанией железной рукой. Одним из самых зловещих их инструментов стала испанская инквизиция, которую благословил предшественник Иннокентия, папа Сикст IV. Инквизиторы развернули широкомасштабную кампанию против ереси. И первыми их жертвами стали *conversos*, евреи, принявшие христианство. Их обвинили в том, что они лишь имитируют преданность новой вере. Параллельно с преследованием евреев шла кампания против мавров.

Военные победы в Риме всегда становились поводом для празднеств. Устоять перед таким грандиозным религиозным успехом было просто невозможно. После мессы кардиналы торжественной процессией прошли по городу. Кардинал Родриго Борджиа, вице-канцлер Церкви (самый высокий титул после папы Римского), испанец по происхождению, в честь

² Translation from Whitcomb, 82–86, online at <https://sourcebooks.fordham.edu/source/lorenzomed1.asp>

³ Вид фаворитизма, предоставление привилегии родственникам или друзьям независимо от их профессиональных качеств (например, при найме на работу). (Прим. ред.)

победы испанского народа над неверными устроил в Риме бой быков. Испанские послы организовали уличное представление и построили грандиозную декорацию в виде замка, изображающую покоренную Гранаду. Торжества Борджиа стали только началом. В течение нескольких недель на пьяцца Навона стекались зрители, а испанские прелаты доставляли туда все новых и новых быков. Племянник папы, кардинал Раффаэле Риарио, установил приз в две сотни дукатов. Было время карнавала, и празднества продолжались до Великого поста. В играх и забегах участвовали «старики, юноши, мальчики, евреи, ослы и буйволы»⁴.

Интересно, что папский церемониймейстер составил список римских бегунов именно в таком порядке. Евреи считались в Риме гражданами второго сорта – как, впрочем, и во всей Европе. После победы над мусульманами Гранады Фердинанд и Изабелла издали указ об изгнании евреев. Евреи должны были покинуть Испанию к концу июля. Утверждалось, что у инквизиции есть убедительные доказательства того, что евреи «подстрекают и развращают христиан»: изгнание было единственным способом положить конец «ереси и вероотступничеству». Указ был оглашен в Арагоне 29 апреля, в Кастилье – 1 мая. На продажу имущества у евреев оставалось всего три месяца – неудивительно, что цены мгновенно рухнули. Евреям было запрещено вывозить из королевства золото, серебро и монеты. Конфискованное золото и серебро должно было пойти на финансирование второго путешествия Колумба в Америку в следующем году.

Испанские евреи рассеялись по миру. Трудно точно сказать, сколько их было: по-видимому, десятки тысяч⁵. Кто-то отправился в Португалию, кто-то в Северную Африку. Некоторые нашли приют в папских землях в Авиньоне и Провансе. Часть евреев отправилась в Италию, в Неаполитанское королевство, где правили бастарды Арагонской королевской семьи (расположенный на северо-востоке Испании Арагон стал одним из множества королевств, объединенных Фердинандом и Изабеллой). Корабль, вышедший из восточных портов Испании, мог достичь Италии примерно за неделю. Гораздо тяжелее пришлось тем, кто бежал из Испании через северные порты в Бискайском заливе и направлялся в Италию через Гибралтар. Рим, Венеция и Мантуя, пусть и без особой охоты, но все же приняли евреев. Но и в Италии были города (в частности, Милан, Перуджа и Лукка), которые опередили испанцев: своих евреев они изгнали еще в 80-е годы XV века⁶.

А тем временем в Риме кардинал Джованни Медичи оказался среди тех, кому предстояло выполнить самую важную политическую задачу Ренессанса: на конклаве им предстояло избрать нового папу. Сикстинскую капеллу разделили на кельи, где были свечи, одежда и кухонные принадлежности – все необходимое для длительного проживания. В капеллу прибыли кардиналы и их личные слуги. У запертых дверей выставили бдительную охрану. Двери следовало отпереть лишь после того, как кардиналы выберут преемника.

Кандидатов было четверо: кардинал Коста из Португалии, кардинал Зено из Венеции, кардинал Оливьеро Карафа из Неаполя и кардинал Борджиа. Родриго Борджиа не считался фаворитом. Враги утверждали, что он купил папство за четырех мулов, нагруженных серебром. Истина более приземлена, политика, как всегда, дело сугубо мирское. Кардиналы раскололись на две группировки, и каждую поддерживали определенные итальянские государства и игроки. Группу кардинала Джулиано делла Ровере (тоже будущего папы) поддерживали король Неаполя, венецианские и генуэзские кардиналы и влиятельное аристократическое римское семейство Колонна. Их на папском престоле устроили бы Коста или Зено. Группу кардинала Асканио Сфорца поддерживал герцог Миланский. Их фаворитом был кардинал Карафа.

⁴ Burchard, vol. 1, 336–338.

⁵ Beinart, 284–290 (здесь приводится цифра 200 000); Kamen, 28–29. По данным этого источника, к 1492 году в Испании оставалось всего 80 000 евреев, большая часть которых приняла христианство и осталась.

⁶ Pèrez, 2.

По слухам, серебро получил Сфорца. Впрочем, распределение голосов показывает, что Борджиа уже в начале выборов пользовался значительной поддержкой. В третьем круге он получил восемь голосов, Карафа десять, и партия делла Ровере решила воспользоваться моментом. Когда же кардинал Сфорца понял, что Борджиа его устраивает больше, чем Карафа, он изменил свое голосование. Подкуп был не нужен – все дело в политических интригах. Если бы речь шла только о деньгах, то богатые делла Ровере, несомненно, перебили бы ставки Борджиа, но набрать достаточно голосов ему не удалось⁷.

Итак, 11 августа 1492 года Родриго Борджиа был избран папой Римским. На папский престол он взошел 26 августа под именем Александра VI. Церемония, как всегда, была грандиозной и роскошной. Родриго занимал высокий пост в Церкви и располагал богатыми доходами: он получал доходы от церковных и монастырских земель. Теперь, когда он стал папой, эти доходы можно было перераспределить, чтобы вознаградить своих сторонников. Своего племянника, Хуана Борджиа Льянсоля, Александр VI сделал кардиналом, а сына, Чезаре Борджиа, архиепископом Валенсии. Новый папа понимал, что положение в Италии крайне сложное. Ситуация во Флоренции была нестабильной. Баланс сил между Миланом, Флоренцией и Неаполем, который на протяжении нескольких десятилетий поддерживал мир в Италии, вот-вот мог рухнуть. Смерть папы Иннокентия, как писал Гвиччардини, «заложила основу будущих несчастий». Перед новым папой стояли сложные политические задачи, а круг его обязанностей расширился самым неожиданным образом⁸.

Рано утром в пятницу, 12 октября того же года, корабли под командованием Христофора Колумба (Кристофоро Колумбо) увидели впереди землю. Путешественники считали, что оказались у восточных берегов Японии. В море они провели почти два месяца. Колумб скрывал от своих людей истинное расстояние, на какое они удалились от Испании. Высадку отложили до утра. На рассвете Колумб ступил на землю острова Гуанахани. Он увидел «деревья, очень зеленые, множество ручьев и огромное разнообразие плодов». Капитаны Колумба развернули два флага с зеленым крестом и инициалами испанских монархов F и Y (Фердинанд и Изабелла). Первую встречу с туземцами тайно Колумб описывал оптимистически: «Я сознавал, что лучше обратить их в нашу святую веру любовью, а не силой». Колумб начал товарообмен – красные колпаки, стеклянные четки, колокольчики, за что туземцы дали ему попугаев, хлопковую пряжу в мотках и дротики. «С большой охотой отдавали они все, чем владели, – писал Колумб, – но я видел, что эти люди бедны и нуждаются во всем»⁹.

Колумб (как и папа Иннокентий VIII) родился в 1451 году в Генуе, на северо-западном побережье Италии. Отец его был ткачом, хотя некоторые историки утверждают, что он получил университетское образование и происходил от древних римлян¹⁰. Колумб был не единственным генуэзским юношей, которого манили морские путешествия и открытия. Джон (Джованни) Кэбот, который в 1497 году «открыл» Северную Америку, был его современником. Колумб увлеченно изучал карты флорентийского космографа Паоло даль Поццо Тосканелли. В молодости он перебрался в Лиссабон – к этому времени он уже успел совершить путешествие в генуэзскую колонию на острове Хиос в восточной части Средиземного моря, на Мадейре и, возможно, побывал в Англии¹¹. Он пытался убедить короля Португалии организовать экспедицию на запад. Не добившись успеха, Колумб отправился в соседнее королевство Кастилия к королеве Изабелле. Он шесть лет провел при дворе, прежде чем сумел убедить королеву поддержать его грандиозный план путешествия в Индию. Тогда никто не догадывался, что это

⁷ Mallett and Shaw, 11.

⁸ Mallett, 112–113.

⁹ Columbus, 29.

¹⁰ Fernández-Armesto 1996, 5; Grafton, 74.

¹¹ Davidson, 75 (Toscanelli); 21–35 (ранние путешествия).

путешествие более чем на век изменит баланс сил в Европе. Когда послы Испании прибыли в Рим, чтобы подчеркнуть преданность Фердинанда и Изабеллы своему соотечественнику, новому папе Александру VI, они с гордостью сообщили об открытии и покорении «четырех огромных островов»¹².

Когда 1492 год сменился 1493-м, итальянские государства находились в растерянности. Они видели грандиозные победы испанских христиан. Испанцы победили эмира Боабдила, изгнали евреев и, как вскоре стало известно, покорили земли, куда ранее не ступала нога европейца. Родриго Борджиа, который приехал в Италию из Испании сорок лет назад, стал папой римским. Кардиналы ожидали нового правления. А Флоренция оказалась в слабых руках сына Лоренцо Великолепного, Пьеро, и его давних, но очень ненадежных союзников. Так была подготовлена почва для конфликта, который терзал Италию целых восемьдесят лет.

История Италии давно увлекала историков и ученых. Еще в конце XIX века в североамериканских университетах появился курс «Западная цивилизация». Начинаясь этот курс с Древней Греции и Рима, определенное внимание уделялось и Египту. Затем студенты переходили к Средневековью, а оттуда – в роскошный Ренессанс, возродивший великие идеи античности и проложивший путь к эпохе Просвещения. Ранее термин «западная цивилизация» использовался крайне редко. Это изобретение XIX века, родившееся в контексте появления европейских империй и расовой сегрегации в США. В такой истории Запада Италия занимала центральное место. И даже если сегодня история эта не сохранила прежней моральной самоуверенности, значение Ренессанса неоспоримо¹³. Каждый год тысячи иностранных студентов устремляются на учебу в Италию. Причем приезжают они не только с Запада. Сегодня во Флоренции европейских туристов меньше, чем тех, кто приехал из Японии, Китая, Индии и Бразилии. Флоренция стала городом мира. Или, вернее, снова стала городом мира, потому что уже имела такой статус, когда была центром мировой торговли, путешествий, колонизации и эксплуатации (богатств Нового Света и производств Старого Света). Здесь жили и работали самые знаменитые художники и мыслители Италии эпохи Ренессанса.

В этой книге мы будем говорить о связях между людьми и историями, которые стали частью «истории Запада». Некоторые вам хорошо известны, другие – нет. Уверена, что многие читатели слышали о Микеланджело и Макиавелли, Колумбе и Кэботе, Медичи и Борджиа. В позднем итальянском Ренессансе много звезд, но о них чаще всего рассказывают по отдельности. Мне хочется объединить их в галактику и говорить не только о великих городах Ренессанса, Венеции, Флоренции и Риме, но и об остальных регионах Апеннинского полуострова: о Генуе, откуда вышли великие мореплаватели и папы римские; о крохотных Урбино и Мантуе, где сложился образ «придворного», который распространился по всей Европе; о южном Неаполе и его испанских правителях. Кроме того, Италия существовала не в изоляции. Рим был центром европейской дипломатии. Южным королевством Неаполь правили представители царствующей семьи Арагона, а позже испанские вице-короли. Некоторые северные государства вступили в союз с императором Священной Римской империи. (Империя эта, как часто говорят, не была ни Римской, ни священной. Она представляла собой союз разнообразных территорий под рукой правителя, избранного группой курфюрстов.) Мне хочется рассказать о людях, жизнь которых редко находит отражение в исторических книгах: о женщинах-писателях и художниках; о солдатах и обычных людях, которые переживали осады и оставались на выжженной земле; о тех, кто часто оставался за сценой, банкирах и новых империалистах. Знаете ли вы, что семейство Беретта начало торговать оружием еще в 1526 году? Наше прошлое и настоящее связано неразрывно, но, рассказывая об эпохе Ренессанса, об этом говорят редко.

¹² *Italian Reports* 2002, 29.

¹³ Molho; Grendler 2006.

Мы будем говорить о войне и ее последствиях. С 1494 по 1559 год Апеннинский полуостров стал ареной ожесточенных конфликтов между европейскими правителями – конфликты эти получили название Итальянских войн: испанские монархи сражались со своим главными соперниками – французами – за господство над Италией. В Средиземноморье развернулся конфликт между Европой и Османской империей, который продлился еще больше и кульминацией которого стала битва при Лепанто 1571 года. Войны уносили жизни и разоряли дома, но одновременно война способствовала развитию творчества и изобретательства. Появлялись новые военные стратегии и технологии. Сегодня мы знаем Леонардо да Винчи по улыбке Моны Лизы, но для современников он был создателем военных карт, разработчиком укреплений и оружия. Война стягивала на Апеннинский полуостров солдат и дипломатов со всей Европы. Среди них был Томас Кромвель, будущий главный министр Генриха VIII.

Центральное место Италии в европейских конфликтах и миротворческих усилиях в течение этих восьмидесяти лет превратило полуостров в плавильный котел политических и культурных идей. Здесь велись споры о республиканской этике и единоличном правлении, о порабощении коренных народов Америки, о религиозных убеждениях и сексуальной морали. Венецианские печатники нашли новые рынки для идей античных и более современных. Итальянские мореплаватели не только путешествовали в Новый Свет, но и прокладывали новые пути на Восток. Однако за время с драм 1492 года до неожиданной морской победы христиан над турками место Италии в мире изменилось. По мере расширения географии земного шара города-государства больше не могли сохранять главную роль в Средиземноморье. Итальянцы наблюдали за возвышением Испании и попытками (не всегда успешными) испанцев захватить главенствующее положение в итальянской политике и институтах. Позже центр европейской политической жизни сместился к северу и западу от Италии, а римская католическая Церковь столкнулась с серьезнейшей угрозой своему авторитету. В 1511 году немецкий монах Мартин Лютер прибыл в Рим по делам ордена августинцев. Развращенность Рима его поразила. Недалом в итальянской пословице говорилось: «Если ад и существует, то Рим построен над ним»¹⁴. В последующие десятилетия порожденный Лютером протестантизм дал мощный толчок к развитию реформаторского движения в католической Церкви.

Значение культуры итальянского Ренессанса становится совершенно ясно, стоит лишь взглянуть на список мест Всемирного достояния человечества, составленный ЮНЕСКО. Вот как здесь в 1982 году описывается исторический центр Флоренции:

Флоренция, построенная на месте этрусского поселения, – это символ Ренессанса. Культурное и экономическое значение города стремительно выросло в XV–XVI веках, во времена правления Медичи. О шестистах годах невероятного подъема культуры нам напоминают собор XIII века (Санта-Мария-дель-Фьоре), церковь Санта-Кроче, галереи Уффици и Питти, работы великих мастеров – Джотто, Брунеллески, Боттичелли, Микеланджело.

В списке ЮНЕСКО немало шедевров эпохи Ренессанса: церковь Санта-Мария-делле-Грацие, где находится «Тайная вечеря» Леонардо да Винчи; Феррара, город Ренессанса и дельта реки По; вилла Ипполито д'Эсте в Тиволи; виллы и сады Медичи в Тоскане; венецианские оборонительные сооружения, построенные в XVI–XVII веках; ботанический сад Падуи, разбитый в 1545 году. В список входят исторические города Мантуя и Саббионета, центры Урбино, Пизы, Венеции, Неаполя и Сиены. Я пишу эту книгу в 2019 году, и сегодня Италия находится на первом месте по количеству мест, включенных в список Всемирного наследия человечества. Первое место она разделяет с Китаем, хотя размеры этих стран несопоставимы. Конечно, отчасти это говорит о прошлых предубеждениях, но дает представление о том, как

¹⁴ Luther 1914, 348.

высоко ценили те, от кого в XX веке зависело принятие культурных и дипломатических решений, итальянскую культуру в целом и культуру Ренессанса в частности.

И это вполне обоснованно. Культура Италии XIV–XV веков (и культура Флоренции, в частности) – это драгоценное наследие человечества в области искусства, просвещения и политической мысли. Термин «Ренессанс» (как и «западная цивилизация») стал использоваться в XIX веке, чем в значительной степени способствовал труд швейцарского ученого Якоба Буркхардта «Цивилизация Ренессанса в Италии», опубликованный в 1860 году. Многие детали идеализированного мира, описанного Буркхардтом, с тех пор были оспорены, но сама идея Ренессанса сохранилась, и сам термин получил широкое распространение, поэтому для удобства я тоже буду его использовать. Достижения того периода, несомненно, грандиозны. Видные интеллектуалы того времени считали себя продолжателями дела древних греков и римлян¹⁵. Эпоха Ренессанса положила начало коллекционированию книг – именно тогда возникли три крупнейшие библиотеки Италии: библиотека Ватикана, библиотека Медичи Лауренциана во Флоренции и венецианская библиотека Марциана. Эпоха Ренессанса создала феномен известных художников. Стало стремительно развиваться светское искусство (в том числе и картины на сюжеты из античной мифологии). Развитие получили новые гуманитарные науки, расширилась программа университетов, велись дебаты о «республиканстве», «свободе» и «интересах государства» (конечно, по большей части риторические, чем практические), и дебаты эти оказали сильнейшее влияние на политику.

В истории итальянского Ренессанса 1492 год (иногда 1494-й, когда в Италию вторглись французские войска) знаменует собой начало конца. С этого времени на полуострове стали доминировать иностранцы, а мирное время сменила война. Однако самые культовые произведения искусства: «Мона Лиза», роспись потолка Сикстинской капеллы и «Страшный суд», «Венера Урбинская» – были созданы именно в пылающей войной XVI веке. В истории искусств стиль позднего Ренессанса иногда называют «маньеризмом», поскольку художники постепенно отходили от более натуралистического изображения к более изысканному, но в то же время и более искусственному стилю. Эти годы охарактеризовались также более явно «современным» феноменом, противоположным обращенности в прошлое: европейцы открыли для себя Новый Свет, повсеместно началось использование пороха, появилось книгопечатание. XVI век более всего привлекает меня тем, что он оказался между старым и новым.

Я начала изучать историю Ренессанса почти двадцать лет назад и сделала это, потому что мне хотелось отключиться от мира современной политики. Конечно, я повсюду видела параллели: я бы посмеялась над письмами XVI века, в которых явственно слышала голоса знакомых мне политиков, но я твердо знала, что прошлое – это чужая страна. Когда я в шутку сравнивала наднациональные европейские центры, Рим XV века и Брюссель XXI века, это вызывало смех, но я была уверена, что это всего лишь шутка. Однако чем больше я узнавала, тем менее чуждым казалось мне прошлое. Я читала истории «технической революции» – и думала об истории книгопечатания. Я читала о выборах папы Франциска – и думала о судьбах католической Церкви XVI века. Я читала о кризисе беженцев в Средиземноморье – и думала об изгнании евреев и мусульман из Испании. Нет, я не хочу сказать, что ничего не изменилось: как мы увидим, между обществом Ренессанса и нашим обществом есть немало различий. Но наследие Ренессанса (или эпохи реформ, или эпохи великих географических открытий) настолько важно для западной культуры, оно так четко определяет, кто «мы» есть (и кем «мы» не являемся), что стоит узнать его лучше.

Это тем более важно, поскольку популярная история Ренессанса – как многие варианты современной западной истории – чаще всего сосредоточивается на историях гениев и славы,

¹⁵ Тем самым они замалчивали роль ученых IX века, которые оставили им копии римских текстов, от которых они оттачивались; история более убедительна в отношении греческой литературы. (Здесь и далее прим. авт.)

оставляя всю жестокость в тени. Идеи власти, высказанные Макиавелли, превратились в набор вечных афоризмов, хотя родились они в очень конкретной исторической обстановке. Тот факт, что все эти люди жили во времена первых путешествий в Америку, с которой у многих были очень личные связи, что итальянцы поставляли для колонизации людей, финансы и бытописателей, довольно широко известен. Кровавая сторона Ренессанса всегда играла определенную роль в привлекательности этого периода. Но чаще всего ее представляли в духе телевизионного сериала «Борджиа», как гламурное, сексуальное насилие богатых и знаменитых, которые убивали друг друга, стремясь к власти (а зрители утешались тем, что большинство персонажей вполне заслужили свою судьбу). О войнах, изгнаниях, колонизации и домашнем насилии предпочитали не говорить. Истории, в которых семейство Медичи представлялись как мафиозная семья под руководством Крестного отца, так же связаны с реалиями Флоренции XVI века, как современные гангстерские фильмы с реальной жизнью города, которым правит организованная преступность. Я понимаю людей, которых увлекают кровавые истории вендетты – я и сама не раз рассказывала туристам мрачную историю кровавой резни на свадьбе семьи Бальони в Перудже в 1500 году. Но слишком большая часть подобных жестоких реалий скрывается за ренессансным искусством. Взять хотя бы «Мону Лизу»: Лиза Герардини, которая так таинственно улыбается нам с картины, была женой работоторговца. Одна из положительных натурщиц для «Венеры Урбинской», Анджела Дзаффетта, подверглась групповому изнасилованию. Флорентийская республика, которая заказала Микеланджело свой символ, «Давида», погибла, подвергшись разграблению «неслыханной жестокости», когда тысячи людей были убиты всего за несколько часов.

Я заканчивала работу над этой книгой в марте 2019 года, и в эти дни сорок девять человек были расстреляны в двух мечетях новозеландского Крайстчерча. Преступник, крайне правый экстремист, размещал в социальных сетях множество исторических постов, которые подтолкнули его к этому поступку. Он с гордостью описывал победы христиан над мусульманскими армиями. Одна из этих побед была одержана в 1571 году в битве при Лепанто, которой я посвятила последнюю главу книги. Историю XVI века редко освещали в таком крайне правом свете, как крестовые походы или миф о белом средневековом Западе. Чаще всего история Ренессанса представала перед нами в более тонком, хотя и не менее зловещем, свете. Мифология великих гениев Ренессанса закрепляла представление о превосходстве европейцев, христиан и белой расы, но при этом не была настолько вульгарной, как сегодня. Конечно, я не хочу сказать, что мы не должны ценить и восхищаться художественными новациями Европы XVI века. Это величайшие достижения. Узнавая, что люди того мира думали о собственной медийной революции, как они решали вопросы пола и сексуальности, как реагировали на развитие вооружений, мы сможем лучше понять мир собственный. И нам станет понятно, как блестящие культурные инновации могут сосуществовать – и даже переплетаться – с абсолютной жестокостью.

Глава I. XV век

За сорок лет до путешествия Колумба, в 1452 году, жители Рима стали свидетелями потрясающего зрелища: в базилике святого Петра папа Николай V короновал Фридриха III императором Священной Римской империи. Старая базилика с красивой колоннадой и колоннами вдоль длинного нефа была построена в IV веке: до строительства новой, с куполом, оставалось еще более ста лет. Базилика располагалась над гробницей святого Петра, что символизировало апостольскую преемственность: линия пап римских началась с ученика Христа. Коронация стала триумфом и папы, и императора. Всего за пять лет до этого Николай торжественно въехал в Рим как единственный общепризнанный понтифик после десятилетий раскола. Раскол стал тяжелым испытанием для Церкви. В какой-то момент папами себя одновременно объявили себя трое! Николай сам родился в Риме. Коронация императора стала подтверждением и его собственного статуса, и статуса родного города. Папство Николая сулило Риму стабильность и богатство. Фридрих стал первым императором из дома Габсбургов. Коронация закрепила его роль великого христианского монарха Европы. За время своего долгого правления (Фридрих умер в 1493 году) он основал самую влиятельную династию континента. Хотя императоров избирали, Габсбурги сохраняли этот титул более четырехсот лет, до 1740 года, когда их основная линия пресеклась. Фридриха короновали также и королем Италии (это не означало господства над всем полуостровом – лишь некоторые северные государства признавали императора своим повелителем, хотя довольно далеким).

Нельзя сказать, что коронация Фридриха проходила в спокойной обстановке. Его решение совершить путешествие по Италии тревожило различные итальянские государства. Если бы он решил заключить союз с какими-то бунтовщиками или претендентами на власть в различных регионах, это могло бы нарушить хрупкий политический баланс на полуострове. Городские традиционалисты и без того остались недовольны желанием Фридриха перед коронацией проехать по всему Риму – неслыханное нарушение протокола. Миланские послы выступали против его коронации королем Италии. Франческо Сфорца приложил все усилия, чтобы Фридриху не досталась Железная корона Ломбардии, которая обычно использовалась при коронации. Впрочем, перехитрить Фридриха не удалось – он короновался королем Италии германской короной. В тот же день состоялось его бракосочетание с Элеонорой, дочерью короля Португалии. Через три дня, в годовщину коронации папы Николая, в базилике Святого Петра Фридрих был помазан и коронован императором Священной Римской империи¹⁶.

На церемонии присутствовал Поджо Браччолини, один из самых ярких ученых Флоренции эпохи Ренессанса, представитель новой породы итальянских «гуманистов». Само слово «гуманист» изначально обозначало того, кто изучает гуманитарные науки. Эта новая программа возникла в контексте оживления интереса к изучению классических текстов. Хотя труды авторов Древней Греции и Рима не были христианскими, ренессансные гуманисты были истинными христианами (а поздние античные авторы, такие как святой Августин Гиппонский, соединяли в своих трудах обе культуры). Гуманизм в те времена не означал секуляризма или атеизма, хотя гуманисты всячески подчеркивали значимость действий и ценностей человека, что шло вразрез с определенными аспектами христианского богословия. Итальянские гуманисты предложили новый интеллектуальный метод анализа текстов, который породил определенные проблемы для авторитета Церкви – особенно в спорах относительно достоверности «Дарения Константина». Предположительно, этот документ являлся указом императора Константина IV века, по которому власть над Западной Римской империей передавалась папе. Споры об аутентичности указа велись несколько веков, и только методы гуманистов помогли

¹⁶ Creighton, 296–299.

доказать, что это фальшивка. Последствия были колоссальными: на этом документе основывалась папская власть – а он оказался фальшивкой.

Идея гуманизма стала основой для более практичного «гражданского гуманизма». Это течение чаще всего связывают с Флоренцией, где всегда подчеркивалась значимость активного участия в политической жизни республики, а не одного лишь созерцания и просвещения. В практическом смысле приход гуманистов к политической власти обеспечил поддержку новой интеллектуальной тенденции – так, например, в университете Флоренции начали преподавать греческий язык. Интерес гуманистов к античному миру явственно чувствуется в том, как Браччолини описывал старинные прецеденты коронационной церемонии¹⁷.

Древность церемонии и всего антуража подчеркивалась не только в описании Браччолини¹⁸. Рим вновь получил возможность занять центральное место в европейской политике – не только в христианстве, но и в утверждении временных правителей. Кроме того, можно было продемонстрировать роскошь города заезжим гостям. Германский советник Николаус Муффель присутствовал на церемонии, а затем посетил священные места Рима – от двадцати восьми мраморных ступеней Святой лестницы в Арачели до оков святого Петра в Сан-Пьетро-ин-Винколи. Муффель оставил интересное описание своего пребывания в Риме¹⁹. Хотя в XV веке Церковь переживала определенные проблемы, но религиозность была неотъемлемой частью жизни любого христианина. И все они считали 1452 год исключительно благоприятным для христианского мира.

Но следующий год доказал обратное: древняя столица Восточной Римской империи – второй по величине город мира Константинополь – пала под натиском турок-османов²⁰. Конец тысячелетней Византийской империи стал колоссальным психологическим шоком не только для живших там греков-христиан, но и для всего христианского мира. Это событие венецианский историк Марино Санудо (1466–1536) назвал «великим ужасом». Известия о падении Константинополя достигли Венеции 29 июня. После заседания совета стало известно, что 28 мая генуэзская колония в Константинополе, Пера, где жило множество итальянских купцов, была захвачена турками. По приказу султана все жители, мужчины и женщины, были убиты – за исключением самых маленьких детей. Двум венецианским галерам удалось спастись каким-то чудом. Несколько недель все надеялись, что слухи окажутся ложными, но вскоре известия о падении города подтвердились, пусть даже не во всех ужасающих подробностях²¹.

Венецианец Николо Барбаро стал свидетелем этих событий. Подготовка к завоеванию города велась довольно долго. Султана Мехмеда II недаром прозвали Завоевателем. Летом 1452 года он построил замок в шести милях от Константинополя. В августе султан захватил в заложники двух послов византийского императора. (За последние два с половиной века территория империи значительно сократилась и теперь представляла собой всего лишь Константинополь и Пелопоннес на юге Греции.) В XV веке представление о дипломатическом иммунитете еще лишь формировалось, и все же Мехмед перешел черту, приказав казнить обоих послов. Такой поступок был равносителен объявлению войны. Османы начали собирать армию численностью 50 тысяч человек²². После долгого периода отдельных стычек и попыток переговоров началась реальная осада города. Все это время помощь Константинополю доставляли венецианские и генуэзские корабли. Однако торговые интересы итальянских купцов шли вразрез с верностью христианам Константинополя (Византийская империя не явля-

¹⁷ Bracciolini, vol. 1, 124.

¹⁸ Дополнительная информация см. Fletcher 2013b.

¹⁹ Muffel, 43, 95.

²⁰ Османская империя не была исключительно турецкой, но итальянские авторы того времени называли ее правителей и воинов «турками».

²¹ Дополнительная информация об осаде и ее описании у современников, см. Philippides and Hanak.

²² Barbaro, 9.

лась частью католической Церкви, здесь преобладало православие.) Когда греческие правители города обратились за помощью, венецианские купцы собрались в городской церкви, чтобы обсудить свою тактику: следует ли им остаться и поддержать греков по их просьбе? Венецианцы решили предоставить защитникам города пять галер, но не забыли выставить городским властям счет: 400 дукатов в месяц плюс питание для моряков. Император боялся, что при наступлении османов венецианцы могут покинуть город. Он не позволял им грузить на галеры свои грузы: шелк, воск, медь и кармин, – чтобы те не бежали под покровом ночи. И все же некоторые венецианские корабли, включая шесть галер из Кандии (Крит в те времена был венецианской колонией), смогли скрыться. Оставшиеся венецианцы, ожидая нападения турок, помогали укреплять дворец. Между окруженным крепостными стенами Константинополем на одном берегу пролива и анклавом Пера на другом был построен мост²³.

Осада началась 5 апреля 1453 года. К этому времени, по оценкам Барбаро, армия Мехмеда насчитывала уже около 160 тысяч человек. Другие источники оценивают численность солдат скромнее: около шестидесяти тысяч, причем две трети приходилось на кавалерию²⁴. Как бы то ни было, численностью турки значительно превосходили защитников города. Нападающим нужно было определить самые слабые места в крепостных стенах, а дальше в дело вступали османские пушки (по словам историков, каждая пушка в день использовала тысячу фунтов пороха)²⁵. Были и другие стычки. 20 апреля османский флот атаковал несколько генуэзских кораблей, но получил отпор. Христиане одержали победу – они воспользовались неожиданной сменой ветра. Эту победу Барбаро приписал благочестию генуэзцев и их искренним молитвам. Турки полностью сосредоточились на ведении войны на суше. На следующий же день им удалось пробить брешь в городских стенах. Чтобы отстоять осажденный город, нужно было срочно заделывать бреши. Жители города использовали подручные материалы: они наполняли бочки обломками камней, чтобы укрепить стены, и рыли рвы, создавая еще одну линию обороны. Но Константинополь плохо подготовился к осаде. Уже в начале мая город стал испытывать недостаток припасов: хлеба и вина хронически не хватало. Небольшое облегчение принес венецианский корабль, который доставил в Константинополь припасы. Моряки переоделись в турецкие одежды и подняли на мачте флаг султана. Им удалось одурачить противника и войти в гавань. Но осада продолжалась. Османы пытались прорыть подземный ход. Грекам удалось дать отпор. Османы построили башню выше крепостных стен и собственный мост из бочек через пролив между Перой и Константинополем. 29 мая за три часа до рассвета Мехмед приказал своим солдатам начать штурм. Город пал. По мнению Барбаро, такова была воля Господа – но одновременно и исполнение древнего пророчества, сделанного еще императору Константину, имя которого носил город. Оставалось надеяться лишь на милость Христа и Богоматери²⁶.

Барбаро рассказывал, как турки превращали пленных христиан в рабов, в ужасающих деталях описывал разграбление города, захват заложников, изнасилования и убийства женщин, в том числе монахинь, и «великую бойню христиан по всему городу», когда кровь текла «по канавам, как дождевая вода после неожиданной грозы»²⁷. Кто-то пытался спастись, кинувшись в море. Некоторые богатые венецианцы, знакомые Барбаро, попали в плен. Им назначили выкуп от 800 до 2000 дукатов. В дневниках Барбаро сильнее всего ощущается христианская враждебность по отношению к туркам. Их он называл «безбожными», «неверными», «коварными», «злыми», «хитрыми и злыми», а султана – «злым язычником» и «псом».

²³ Barbaro, 14–23, 24–25.

²⁴ *Siege of Constantinople*, 3 (рассказ флорентийца Джакомо Тебальди).

²⁵ Setton, vol. 2, 114–115.

²⁶ Barbaro, 27–61.

²⁷ Barbaro, 67.

Особый гнев у него вызывали высокопоставленные христиане на службе у султана²⁸. Впрочем, христиане вели себя не намного лучше. Не следует считать, что в рабство пленных обращали только османы. Жестокостей хватало с обеих сторон. Барбаро называл генуэзцев «врагами христианской веры», «коварными псами», заключившими тайную сделку с турками, которая помешала грекам и венецианцам сжечь корабли султана²⁹. У генуэзцев была своя версия событий: высокопоставленный чиновник из Перы утверждал, что сделал все, чтобы защитить город, даже привлек наемников из средиземноморской колонии Хиос, а также из самой Генуи³⁰. Соперничество между итальянскими городами-государствами не прекращалось никогда. Но, как писал в мемуарах французский дипломат Филипп де Коммин, тяжелее всего было пережить унижение: «Для всех христианских государей было большим бесчестьем, что они допустили потерю Константинополя»³¹.

Османы одержали великую победу. Один историк писал о «пушках, огромных, как драконы», рассказывал, как солдаты пробили крепостные стены, ворвались в Константинополь, разграбили его богатства (город был отдан им на три дня) и обратили в рабство его жителей. Другой с восторгом описывал, как «лучи света ислама» озарили павший город. Греческие беженцы ринулись на запад, чтобы собрать выкуп для освобождения родственников. Кто-то бежал от преследования. Некоторые вернулись, другие же так и остались на чужбине³². Но торговля продолжалась, и венецианцам следовало думать о собственной экономике. Они отправили послов к новым правителям, и в течение года Венеция заключила мир с Османской империей³³.

Потеря Константинополя сплотила тех, кого османские историки называли «презренными неверными»³⁴. Итальянские государства враждовали между собой, но перед лицом такой катастрофы в 1454 году заключили мир (Лодийский мир), а в следующем году – пакт о взаимопомощи, Итальянская лига. Папа Пий II (Энеа Сильвио Пикколомини), происходивший из знатной сиенской семьи, занял престол в 1458 году. Большую часть своего папства он пытался организовать крестовый поход ради возвращения потерянных земель. Пий II стал папой совершенно неожиданно. В молодости он вел самый обычный для юноши своего происхождения образ жизни. Он прославился любовными стихами. Его считали дамским угодником. В остроумных «Воспоминаниях», целые разделы которых закодированы, чтобы скрыть его едкие замечания в адрес своих противников, он увлекательно рассказывал о своих путешествиях. До престола Святого Петра Пикколомини был дипломатом и даже посещал шотландского короля Якова II. Во время этого посольства, по его собственному рассказу, он отверг предложение двух молодых женщин, которые собирались спать с ним, «по обычаю этой страны»³⁵. Пий II был большим ценителем термальных бань, построенных в папском городе Витербо его предшественником, Николаем V. Витербо расположен к северу от Рима. Папа любил принимать гостей в саду в обществе своей любимой собачки Мюзетты. Жизнь и труды Пия II увековечены в серии замечательных фресок в библиотеке Пикколомини в соборе Сиены. На них он представлен в роли дипломата, знаменитого поэта – а затем папы.

Пий II умер в 1464 году. Папство его принесло глубокое разочарование. В 1459 году он созвал в Мантуе конгресс и объявил крестовый поход. Пий II разослал легатов по всей

²⁸ *Siege of Constantinople* (Тебальди), 5.

²⁹ Barbaro, 39.

³⁰ 14. *Siege of Constantinople* (Анджело Джованни Ломеллино, бывший подеста Перы), 132.

³¹ Commynes 1906, vol. 2, 90.

³² Translations from Lewis, 30–31. См. также Harris.

³³ Setton, vol. 2, 140.

³⁴ Translation from Lewis, 30–31.

³⁵ Pius II, 31.

Европе, чтобы заручиться поддержкой правителей. Но европейские государства отнеслись к этому предложению весьма прохладно. Пий II умер в портовом городе Анкона на Адриатическом море, тщетно ожидая прихода кораблей. У европейских правителей были более важные заботы. Французы только что одержали победу в Столетней войне (1337–1453). Правящий дом Валуа отвоевал у английских Плантагенетов бразды правления Францией. В Англии соперничающие между собой ветви династии Плантагенетов боролись за власть – там шла война Алой и Белой розы, которая завершилась в 1485 году победой Генриха VIII над Ричардом III в битве на Босвортском поле. Испания еще не объединилась и тоже переживала серьезные династические проблемы. Священная Римская империя была занята защитой восточных границ от османских набегов, и перспектива морской кампании ее не привлекала.

С другой стороны, падение Константинополя под напором османов оказало самое серьезное влияние на развитие итальянской учености. В просвещенных кругах уже возник живой интерес к изучению греческого языка. В Италии нашли убежище образованные греческие беженцы. Так, например, Иоанн Аргиропул в 1456 году начал преподавать латынь и греческий в университете Флоренции. Он и раньше бывал в Италии – в 1439 году он обсуждал во Флоренции союз восточной и западной церквей, а затем находился в Падуе, но теперь Аппенины стали его домом. В 1466 году он стал гражданином Флоренции. Кроме того, он довольно значительное время провел в Риме³⁶. Образованные беженцы из Византии работали переписчиками манускриптов или собирали тексты для библиотек гуманистической элиты³⁷. Переводы трудов греческих авторов оказали значительное влияние на Колумба – в его записках часто встречаются ссылки на труды греческого географа Страбона (64/63 г. до н. э. – 24 г. н. э.)³⁸.

Перед лицом внешней угрозы на Аппенинском полуострове на сорок лет установился относительный (хотя и не абсолютный) мир. Этот период стал временем перестройки и обновления Церкви и временем политической стабильности, что позволило торговцам в полной мере использовать географическое положение Италии в самом центре Средиземноморья. Это было время расцвета визуальных искусств: во Флоренции творил Сандро Боттичелли, в Мантуе Андреа Мантенья создавал фрески Камеры дельи Спози, в Риме восстанавливали Сикстинскую капеллу (настенные, но не потолочные росписи были закончены к 1482 году). Эти мастера шли по пути своих предшественников, в том числе Джотто (1267–1337), которые уже сделали фигуры на картинах более живыми, осознали важность наблюдения и передачи эмоций и открыли множество важных технических приемов, в том числе перспективу для передачи объема.

Экономическое развитие Италии способствовало художественному развитию Ренессанса. Наибольшее влияние оказал растущий доход нового класса богатых торговцев. Историки спорят, как оценивать экономическое положение итальянских городов в конце XV–XVI веках. В 1300 году Италия была самой экономически развитой территорией Европы со множеством крупных и мелких городов. Но с 1500 года, хотя в абсолютных показателях итальянские государства продолжали экономически развиваться, темпы этого развития уже не соответствовали развитию самых динамичных европейских регионов (Фландрия, Рейнская область и Кастилия, а затем Англия и Нидерланды). На это влияли не только войны, но и политическое разделение Италии: итальянским городам-государствам просто не было причин сотрудничать друг с другом, когда гораздо выгоднее было устанавливать контакты с другими крупными державами. До объединения Италии оставалось еще три с половиной века³⁹.

³⁶ Wilson 1992, 86–87.

³⁷ Harris, 119–29.

³⁸ Wilson 1992, 55.

³⁹ Epstein 2007, 3–47.

Италия представляла собой пестрый ковер политических режимов. Европейские державы постоянно пытались отхватить часть итальянских территорий. На юге Неаполем правили представители Арагонской династии с северо-востока Испании. С 1268 по 1435 год Неаполь находился под контролем Анжуйского дома (эта династия была связана с королями Франции), что неудивительно, учитывая значимость Неаполя для Итальянских войн, начавшихся в 90-е годы XV века. Однако последняя правительница Анжуйской династии, королева Джованна (годы правления 1414–1435), уступила напору баронов и усыновила Альфонсо V Арагонского, сделав его своим наследником (впрочем, спустя десять лет отношения между ними испортились, и королева отрешила Альфонсо от престолонаследия). Это не помешало Альфонсо заявить права на королевство после смерти Джованны. Его соперником был Рене Анжуйский. Несмотря на поддержку папы и других итальянских государств, не говоря уже о значительном конце местных баронов, его притязания не оправдались, потому что до 1438 года он был пленником герцога Бургундского. Флот Альфонсо потерпел поражение от торговых соперников Неаполя, генуэзцев, а на Средиземном море от арагонцев, но благодаря удачному союзу с Миланом против французов он сумел к 1442 году обеспечить себе неаполитанский трон и стал королем Альфонсо I. В следующем году он триумфально въехал в город. О нем весьма благосклонно писал флорентиец Веспасино да Бистиччи. Он отмечал «его поразительное сочувствие и доброту вкупе с огромным великодушием», а также «достоинство и справедливость, с какими он относился ко всем своим подданным, как великим, так и малым»⁴⁰. Король отличался великим благочестием и получил прозвание Альфонсо Великодушного. Умер он в 1458 году, и к этому времени его правление было окончательно закреплено – король разумно предоставил значительные права баронам, заручившись их поддержкой, и заключил дипломатическую сделку, которая обеспечила ему папское признание⁴¹. Но он же заложил для королевства серьезные проблемы на будущее. Альфонсо I был очень переменчив во внешних союзах и в отношениях с баронами, что не пошло на пользу его преемнику, королю Фердинанду.

Папы не сразу признали нового короля, но в конце концов Пий II признал Фердинанда I королем Неаполя и Иерусалима (этот титул напоминал о покорении города крестоносцами в XI веке). После долгого конфликта с группой неаполитанских баронов, поддерживавших его соперника, Иоанна Анжуйского (кроме того, у него была поддержка Милана, папства, Арагона и Албании), Фердинанд I все же окончательно утвердился на неаполитанском престоле. За годы своего правления с 1458 по 1494 год он создал роскошный двор, куда стекались поэты и художники. Впрочем, культурной славы Лоренцо Великолепного или Изабеллы д'Эсте⁴² ему добиться так и не удалось. Возможно, это объяснялось тем, что древних построек в Неаполе почти не сохранилось, и гости города устремлялись либо в барочные дворцы, либо к руинам Помпей и на живописное Амальфитанское побережье. И все же в Неаполе сложился впечатляющий двор в духе Ренессанса. Здесь жили многие выдающиеся гуманисты, в том числе Лоренцо Валла, один из тех, кто опроверг достоверность «Дарения Константина». Неаполь, как Флоренция и Венеция, рождал «людей Ренессанса». Таким человеком был первый министр короля, Джованни Джовиано Понтано, увековеченный на фресках апартаментов Борджиа, не только политик, но еще и известный поэт и ученый⁴³.

Фердинанд I пережил многих претендентов на его трон. Чтобы заручиться альтернативной поддержкой местных баронов, он предоставил множество привилегий городам королевства⁴⁴. К 1471 году история Неаполя могла обеспечить ему превосходство над всеми другими

⁴⁰ Vespasiano, 66.

⁴¹ Bentley, 7, 10, 11.

⁴² Bentley, 22.

⁴³ Kidwell.

⁴⁴ Bentley, 26.

городами. Здесь были горы, равнины, моря и реки, за крепостными стенами скрывались широкие улицы, прекрасные дома, церкви и фонтаны. Богатство знати постоянно росло⁴⁵. Верховным правителем Неаполя считался папа, и Фердинанд платил ему дань – в зависимости от политической ситуации, значительную или скромную. Но король заботился о своих интересах в Риме. Он предложил *condotte* (договоры на предоставление наемных войск) некоторым римским баронам, а это означало, что в течение срока действия договоров их можно было использовать в качестве средства давления на папу⁴⁶. Фердинанда считали жестоким правителем. В 1485 году он раскрыл заговор баронов. Участников заговора он арестовал во время свадьбы в Кастель-Нуово, и все они были убиты в тюрьме. Ходили слухи, что он забальзамировал тела своих врагов и выставил их в своем музее. Правда это или нет, но современники относились к нему настороженно и даже неприязненно. Филипп де Коммин писал, что в мире «нет человека более жестокого, злобного, порочного и отвратительного», чем сын Фердинанда, Альфонсо II, но отец его гораздо более опасен⁴⁷.

Пока Фердинанд основывал династию, его северные соседи, папы, восстанавливали свое влияние после десятилетий раскола. Им предстояло возродить и обновить и сам Рим, и Церковь во всей их славе⁴⁸. В конце XV века Рим стал настоящим центром Европы. Здесь жили и работали представители христианских правителей. В основном здесь решались дела церковные, но порой и вполне светские. Папы поначалу не приветствовали долгосрочные посольства, но постепенно привыкли, и к началу XVI века Рим превратился в крупный европейский дипломатический центр, где присутствовали послы с Запада, Востока, из северной Московии и африканской Эфиопии. Да и в самой Италии интересы пап были не только религиозными. Папа являлся правителем одного из пяти крупных государств Италии, и эти земли обеспечивали ему доход. Но в то же время такое положение делало папу светским правителем – со всеми вытекающими из этого проблемами управления. Нужно было поддерживать социальный порядок, обеспечивать собираемость налогов, а при необходимости собирать армию для защиты территорий. В этом смысле папа был таким же монархом, как правители Милана или Неаполя. В XV веке все папы, за исключением арагонца Каликста (годы правления 1455–1458), были итальянцами, и их выборы становились вопросом итальянской политики. Преемнику Каликста, Пию II, наследовал Павел II (венецианец Пьетро Барбо). Затем на престол взойшел Сикст IV (лигуриец Франческо делла Ровере), а за ним – Иннокентий VIII (генуэзец Инноченцо Чибо). Группировки в курии (при папском дворе) постоянно менялись, но всегда были связаны с той или иной зарубежной державой – Францией или Священной Римской империей. В самом Риме тоже были две мощные силы – семейства Орсини и Колонна. В XV веке в курии преобладали итальянские аристократические семейства, что позволяло небольшим государствам обеспечить свое представительство⁴⁹. Правители Мантуи, Гонзага, в 1461 году добились кардинальского сана для одного из своих сыновей. В 1493 году кардиналом стал представитель семейства Эсте из Феррары. В этот период попасть в Коллегию кардиналов неитальянцам стало практически невозможно. Возникла новая мода: назначение папских племянников – непотизм (от итальянского *nepote* – племянник или внук).

Курия привлекала не только аристократов. Разбогатевшие семьи стремились получить посты для своих сыновей или породниться с папскими семействами посредством брака. Самой яркой такой семьей стала семья Медичи. Три поколения назад они сделали состояние, будучи папскими банкирами. Основатель семейства, Джованни ди Биччи де Медичи, обосновался во

⁴⁵ Loise de Rosa 184, cited in Bentley, 4–5.

⁴⁶ Mallett and Shaw, 10.

⁴⁷ Commynes 1840–1847, vol. 2, 375–376.

⁴⁸ Richardson 2009, esp. 143–181.

⁴⁹ DeSilva.

Флоренции. Он разбогател на торговле шерстью и банковском деле. Впрочем, у семейства никогда не было недостатка во врагах. В 1433 году посредством политических интриг противники семьи вынудили сына Джованни, Козимо (Козимо Старого), отправиться в изгнание, но Медичи быстро вернули себе положение первой семьи республики (хотя пока что не получили наследуемого титула). В 1440 году Флоренция победила Милан в сражении при Ангиари – культовая победа окончательно подтвердила силу города-государства. Банкиры пап (или королей) могли разбогатеть, но роль эта была связана со значительным риском. В 1478 году правнук Джованни ди Биччи, Лоренцо Великолепный, попал в немилость к папе Сиксту IV. К этому времени Медичи и их союзники были полностью уверены в своем положении в городском правительстве, равно как и в росте доходов от банковского дела. Они усилили давление на городские институты. Они создали специальные комитеты, которые отбирали кандидатов для государственной службы. Военные конфликты они использовали для создания структур, которые действовали по особым правилам. Власть их держалась на разветвленной сети союзников. А когда приближались выборы, отбор кандидатов шел с использованием весьма сомнительных приемов.

Противников у Медичи хватало. Соперники-олигархи мечтали вытеснить их из флорентийской политики. Низшие классы ненавидели их за богатство. Неудивительно, что против них возник заговор, во главе которого стояло семейство Пацци. Свергнуть Медичи можно было только путем убийства. Заговорщиков поддерживал папа Сикст IV, у которого появились разногласия с Медичи по поводу приобретения города Имола. На мессе в соборе Флоренции заговорщикам удалось убить брата Лоренцо, Джулиано, но до самого Лоренцо добраться они так и не сумели. Сикст надеялся, что после заговора Пацци на Флоренцию нападет Неаполь. Но Лоренцо сумел проявить свой недюжинный дипломатический талант: он отплыл в Неаполь и убедил Фердинанда I не вступать в войну. На несколько лет Флоренция и Неаполь заключили политический союз, после чего Лоренцо, как и другие правящие семьи Италии, стал искать представительства в Риме. Он обеспечил своему сыну Джованни кардинальскую шапку, хотя тому было всего тринадцать лет и он был слишком молод для такого назначения. Впрочем, впоследствии это не помешало ему стать папой Львом X.

Свой кардинал был и у другого амбициозного семейства, миланских Сфорца⁵⁰. Асканио Сфорца получил пост кардинала в 1484 году. Асканио был братом герцога Милана Галеаццо Мария Сфорца, убийство которого в 1476 году (в возрасте тридцати двух лет), по-видимому, вдохновило заговорщиков Пацци во Флоренции. Династические государства процветали, но сами династии в значительной степени зависели от смертности правителей. К моменту назначения Асканио Миланом управлял его юный племянник, Джан Галеаццо, а брат кардинала Лодовико «иль Моро» был регентом. По словам флорентийского историка XVI века Франческо Гвиччардини, Лодовико был человеком «неспокойным и честолюбивым», и подобная ситуация через десять лет переросла в открытый конфликт⁵¹.

Помимо этих пяти крупных государств, в Италии существовало множество мелких: маркизаты Мантуя и Монферрато, герцогства Феррара и Урбино, республики типа Генуи и тосканские города-государства Сиена и Лукка. Как показывает поведение Милана на коронации Фридриха, отношения между этими государствами были сложными и зачастую враждебными. Сегодня большинство историков довольно скептически относятся к утверждениям Гвиччардини, который, оглядываясь назад, писал, что «никогда не знала Италия такого процветания и столь желанного благополучия, которыми она в полной безопасности наслаждалась в 1490 году, а также в годы, шедшие непосредственно перед ним и после». Кроме нестабильности во Флоренции после заговора Пацци в 1480 году Италия пережила османское вторжение (см. главу

⁵⁰ О Сфорца см. Lubkin.

⁵¹ Guicciardini 1969, 7.

3) и Соляную войну 1482–1484 годов – конфликт между папством, поддержанным Венецией, и герцогством Феррара. Гвиччардини был флорентийским государственным деятелем, но служил он также и в папской администрации. Его можно считать одним из самых видных историков ранних Итальянских войн. XV век он видел в розовом свете. Его слова, что в те времена Италия «заслуженно наслаждалась самой блестящей репутацией среди других держав», лишь подчеркивают последующий упадок⁵². Тем не менее репутация эта сохранилась, и мы должны признать, что конфликты XV века были гораздо скромнее по масштабам, чем будущие войны.

⁵² Guicciardini 1969, 4.

Глава II. За Альпами

В своей истории Гвиччардини говорит об «Италии», и это удивительно, учитывая, что Италия объединилась как нация лишь в конце XIX века. Известно, что жители полуострова всегда идентифицировали себя по родной деревне или городу. Даже сегодня это явление называют *campanilismo*, то есть верность местной колокольне. Но в контексте Итальянских войн XVI века и в свете того, что можно было бы назвать «национальным характером», в литературе и письмах того периода мы постоянно находим упоминания об итальянцах (и, кстати, о германцах, которые тоже объединились в единое национальное государство лишь в XIX веке). Если это было подтверждением идентичности, то в таком определении есть и позитивные, и негативные стороны. Это был способ отличить жителей Апеннинского полуострова от варваров с севера, *ultramontani*, «тех, кто живет за горами».

Конечно, многие итальянцы отправлялись за горы. Один из самых знаменитых портретов итальянца XV века был написан вовсе не в Италии, а во Фландрии. Это портрет торговца из Лукки Джованни Арнольфини и его жены Джованны Ченами. Чета Арнольфини жила в Брюгге. Художник изобразил их в богато обставленной комнате. Супруги приветствуют гостей, отражение которых мы видим в зеркале за их спинами. Ян ван Эйк (ок. 1390–1441) был придворным художником герцога Бургундского Филиппа Доброго. Портрет четы Арнольфини – один из ранних образцов европейской масляной живописи (большинство панелей того времени были написаны темперой) и раннего светского портрета. Еще одна примечательная особенность – четкая подпись художника, которая однозначно утверждает его авторство. Его не называли «мастером портрета Арнольфини», как предшественников: ван Эйку запомнят по имени. Возможно, и его отражение есть в зеркале, которое, как и роскошный канделябр, позволило ван Эйку играть со светом, падающим из окна (стекло лишний раз доказывает богатство супружеской четы). Дорогой мех мантии Арнольфини, изысканное кружево головного убора его супруги, ее золотое ожерелье и драгоценная красная ткань покрывала и балдахина над кроватью – все это показывает не только мастерство и новаторство художника, но и гордое богатство заказчика.

Лукка, родной город четы Арнольфини, находится в пятидесяти милях к западу от Флоренции. Это был независимый город-государство с собственным правительством и собственной политикой. Портрет был написан в 1434 году, и в это время жители Лукки, несомненно, уже знали о проблемах своего более влиятельного соседа, Флоренции, где за власть боролись Медичи. Но Джованни и Джованна находились за сотни миль от родины. Их семейства обосновались в Брюгге. Семья Ченами жила здесь уже почти полвека и играла важную роль в местной лукканской общине: в то время иностранные купцы по всей Европе объединялись в общины, которые совместно вели переговоры с городом о своих обязанностях и привилегиях. Родственники семейства занимали видное положение и в Лукке. По материнской линии Джованни имел родство с правителями города, Гуиниджи. Дед его занимал очень важный пост гонфалоньера правосудия. Купцы торговали всевозможными товарами: от дешевых и доступных для всех пуговиц и лент до роскошных, расшитых золотом и серебром тканей, бархата, мехов и атласов. Кроме того, они поставляли драгоценный миндаль, апельсины и имбирь. Родственники Джованны были банкирами в Париже, Антверпене и Брюгге. Пока в 1436 году Медичи не открыли в Брюгге отделение своего банка, их делами во Фландрии занимались лукканские банкиры. Искусствоведы связывают символику зеленого платья Джованны с банковским делом: столы банкиров обтягивали зеленой тканью (само слово «банк» происходит от итальянского *banco* – прилавок или скамья: банкиры вели свои дела на рынках и улицах за столами)⁵³. Со

⁵³ Seidel, 79–81, 118.

временем Джованни стал главным поставщиком шелка для бургундского двора⁵⁴. На портрете есть намек на торговые связи за пределами Европы – турецкий ковер. Такие ковры в XV веке очень любили богатые итальянцы. Доставляли их из Османской империи. (Сегодня в некоторых западных музеях турецкие ковры классифицируют не по происхождению, а по имени художников, которые изображали их на картинах⁵⁵. Слава приходила к художникам, а не к мастерам, которые производили эти роскошные ковры. Это лишнее доказательство предвзятости коллекционирования и классификации.) Таким образом, портрет четы Арнольфини – это не просто картина, полная художественных чудес, но еще и целая история торговых связей на континенте, история семей, оторванных от своих корней, история брачных союзов итальянской элиты. История Италии XV века – это не просто история Апеннинского полуострова, но история, охватывающая всю Европу и выходящая за ее пределы.

Судьба картины тоже красноречива: она оказалась в собрании Маргариты Австрийской из семейства Габсбургов, а потом перешла к Марии Венгерской⁵⁶. У обеих были дворы в Нидерландах, где небольшая Бургундия (включавшая в себя части современной Бельгии, Нидерландов, Люксембурга, Германии и Франции) превратилась в яркий культурный центр. Здесь возник особый северный Ренессанс, яркими представителями которого стали не только ван Эйк, но и его современник Рогир ван дер Вейден, а позже Иероним Босх и Питер Брейгель Старший. Их художественный стиль был совершенно не похож на итальянский, но оставался столь же новаторским: Италия была не единственным центром культурного развития того времени. Бургундский двор был важным источником идей рыцарства, войны и меценатства, а Итальянские войны стали своеобразным плавильным котлом, где культуры Западной Европы смешивались с культурой Апеннинского полуострова⁵⁷. Император Священной Римской Империи Карл V, который взошел на престол в 1519 году и стал одним из главных героев этих войн, происходил из бургундских герцогов. Мы привыкли считать, что идеи итальянского Ренессанса распространялись по всей Европе, и это действительно так. Но и в Италию из Европы приходили новые идеи. Так, например, при итальянских дворах были очень востребованы фламандские музыканты.

А тем временем османы захватили Константинополь. Столетняя война между Англией и Францией подошла к концу. Франция одержала победу, Англия потеряла значительные территории на континенте и сумела сохранить лишь крохотный кусочек в районе Кале. Война Роз между Йорками и Ланкастерами прекратилась лишь в 1485 году, когда на трон взошел Генрих Тюдор. Права Генриха VII на престол должен был подтвердить папа Иннокентий VIII, и с этой целью английское посольство отправилось с Рим. В 1492 году Генрих VII и король Франции Карл VIII подписали в Этапле договор, по которому Карл прекращал поддерживать претендента на английский трон Перкина Уорбека и выплачивал солидную сумму в обмен на обещание Генриха не вторгаться на территорию Франции⁵⁸. Английский двор испытывал более сильное бургундское, чем итальянское влияние, но в XV веке здесь появился первый яркий меценат-гуманист, Хамфри, герцог Глостер (1390–1447). Через итальянского епископа Байе, Зено Кастильоне, герцог Хамфри переписывался с выдающимися деятелями итальянского Ренессанса, в том числе с канцлером Флоренции Леонардо Бруни. Память герцога Глостера увековечена в Оксфорде, где находится его библиотека. У первых Тюдоров были очень тесные культурные и торговые связи с Италией. Гробницу Генриха VII создал флорентиец Пьетро Торриджано. Множество английских студентов училось в итальянских университетах,

⁵⁴ De Roover, 190; Bratchel, 134.

⁵⁵ См. эссе Уолтера Денни в Интернете: https://www.metmuseum.org/toah/hd/isca/hd_isca.htm.

⁵⁶ Seidel, 95.

⁵⁷ Donati, 29–51.

⁵⁸ Penn, 25.

в частности, в Падуе: хотя после разрыва Генриха VIII с Римом количество студентов уменьшилось, еще до восшествия на престол его дочери, убежденной католички Марии, студенты снова отправились в Италию. Даже когда на трон вошла ее сестра-протестантка Елизавета, английские студенты, пусть и не в таких количествах, продолжали учиться в Италии⁵⁹. Итак, можно сказать, что серьезные английские вторжения на континент ограничивались севером Франции и Италию не затрагивали.

Избавившись от английских претензий, Франция к середине XV века стала крупнейшим европейским государством. И французский король Карл VII, добившийся этого триумфа, по праву смог назвать себя Победителем. К 1500 году население Франции составляло 15 миллионов – больше, чем в Италии (11 миллионов), и почти в четыре раза больше, чем в Англии и Уэльсе (3,75 миллиона). Для сравнения скажем, что в Испании жило 6,5 миллиона человек. В 1461 году на французский трон вошел сын Карла Людовик XI Благоразумный. Он правил до 1483 года. После гибели в битве при Нанси (1477) Карла Смелого Бургундского его род пресекся, и Людовик захватил территорию Бургундии. Преемник Карла VII, Карл VIII, продолжал расширять французские территории. Его брак с Анной Бретонской (сомнительное предприятие, поскольку у нее уже был подписан брачный договор с императором Священной Римской империи) позволил включить в состав Франции герцогство Бретань. У Карла, как мы еще увидим, были планы и на Италию – в частности, он хотел вернуть Франции королевство Неаполь.

Испания тоже консолидировалась. В 1469 году Фердинанд Арагонский женился на Изабелле Кастильской, после чего эти два королевства постепенно объединились и начали принимать современную форму. Изабелла стала королевой наперекор судьбе. Она стала наследницей лишь после смерти сводного, а потом и родного брата. Но даже после этого ее права на кастильский трон оспаривала племянница Хуана Бельтранеха. Изабелла и ее союзники распространяли слухи о незаконности претензий Хуаны. После долгой кампании им удалось запереть Хуану в монастыре. В 1478 году с благословения папы Сикста IV Изабелла создала в Кастилии инквизицию. Поначалу инквизиторы занимались искоренением ереси среди андалузских *conversos* (евреев, принявших христианство), но затем полномочия их значительно расширились⁶⁰. Постепенно испанская инквизиция стала синонимом жестокого преследования, хотя отчасти эта репутация сложилась из-за более поздней «Черной легенды» Испании (в этом мифе утверждалось, что испанцы жестоки от природы, поскольку происходят не от христиан). Конечно, из этого никак не следует, что испанцы чем-то хуже других народов⁶¹. Это вопрос возможностей: Испанию от остальной Европы отличали исторические масштабы нехристианского населения и то, как христианские короли Фердинанд и Изабелла стали активно проводить политику христианизации ради объединения королевства. Изгнанию евреев предшествовала длительная кампания против еврейского влияния в Испании, которая началась еще до покорения Гранады, самой южной части страны. В территориальной экспансии для Европы нет ничего необычного. Неудивительно также и то, что идеологией завоевания стало христианство (другой типичный пример – крестовые походы). В XVI веке испанские монархи завоевали также значительную часть Наварры – региона, расположенного между Испанией и Францией.

Свою империю строила и соседняя с Испанией Португалия. Большую часть XV века португальцы стремились покорить Марокко. Португальские купцы совершали набеги на Канарские острова и захватывали рабов, соревнуясь в этом с Кастилией. Поскольку Кастилия заветно превосходила Португалию, португальцы переключились на Мадейру и Азорские острова. Острова эти были безлюдны, поэтому на них возникли колонии, куда переселялись крестьяне и рыбаки и куда насильственно доставляли рабов. Итальянцы (и особенно генуэзцы) играли важ-

⁵⁹ Woolfson, 26–27. Дополнительная информация см. Sicca and Waldman; о более позднем периоде см. Wyatt.

⁶⁰ Об истории инквизиции см. Kamen.

⁶¹ Silverblatt.

ную роль в ранней колонизации⁶². Ими двигало желание получить работу и золото, не имея дела с врагами из Северной Африки и не выплачивая дани османам или мамлюкам (о мамлюках мы поговорим чуть позже). В 1450-е годы португальские мореплаватели создали торговые колонии в Западной Африке и установили монополию на морскую торговлю поработешенными африканцами. Право португальцев поработать нехристиан в 1452 году было закреплено папской буллой Николая V⁶³. Оправданием этого процесса являлась перспектива обращения язычников в христианство. Работоторговля в Средиземноморье существовала давно: главную роль в импорте рабов в Италию из портов Черного моря играли генуэзские купцы. Но португальская экспансия заложила основу тому, что позже превратилось в трансатлантическую работоторговлю. Португальские купцы путешествовали и на восток. В 1498 году они обогнули мыс Доброй Надежды и вышли в Индийский океан. Огнестрельное оружие позволило им стать главной морской державой. В 1509 году в битве при Дио они одержали победу над объединенным флотом мамлюков и гуджаратского султана⁶⁴. Португальцам повезло в том, что китайцы не проявили интереса к исследованиям Индийского океана и развращиванию торговли с восточным побережьем Африки. Последнее путешествие адмирал Чжэн Хэ совершил в 1433 году. У экспансионистской стратегии при дворе оказалось столько противников, что в 1525 году правительственным указом все океанские корабли были попросту уничтожены.

Самым знаменитым итальянским путешественником был Марко Поло (1254–1324). Его «Книга чудес света» представила европейцам Китай в совершенно новом свете. Самым большим государством мира с 1368 года управляла династия Мин. Централизация государственной власти достигла в Китае такого уровня, о каком Европе оставалось лишь мечтать. Китайские товары поступали в Италию по Великим шелковым путям, контролируемым Османской империей. Конечно, доставляли по ним не только шелк, а еще и лазурит, драгоценные камни, ковры ручной работы... Все это попадало в дома богатых семейств, таких как Арнольфини. Влияние исламского искусства явственно заметно в архитектуре Венеции и яркой итальянской майолике, не говоря уже о многочисленных картинах, где святых изображали в одеяниях из роскошных привозных тканей. На многих портретах состоятельных людей обязательно присутствовали восточные ковры, которые подчеркивали богатство героев. Международные торговые связи играли важнейшую роль в развитии искусства и ремесел итальянского Ренессанса⁶⁵.

В африканской истории XII–XVI веков прослеживается три основные тенденции. Первая – это распространение ислама. Во-вторых, благодаря обширным торговым сетям исламского мира, Африка успешно торговала собственными товарами, в том числе золотом, слоновой костью и продукцией сельского хозяйства, а также рабами. В-третьих, в Африке росли и развивались новые царства и империи. С 1250 года существовал Мамлюкский султанат, центром которого был Египет. Он успешно процветал благодаря расположению на главных путях паломничества в Иерусалим и Мекку. В конце XV века в Западной Африке на смену царству Мали пришла империя Сонгай. Процветали Бенин и Зимбабве с роскошной царской столицей. В тот период контакты итальянцев с Африкой шли не только по новым португальским торговым путям, но еще и через общение с эфиопскими христианами. В Риме у эфиопов была собственная церковь Сан-Стефано-дельи-Абиссини, а при дворе эфиопского императора в Барате всегда присутствовали итальянцы⁶⁶. И это только зафиксированная история. Но Северная Африка всегда была близка к южной Италии. Добраться можно было на обычной рыбацкой лодке. Уверена, что многие совершали такие путешествия, которые не оставили следов в истории. Одним

⁶² *Portuguese in West Africa, 1415–1670*, 7.

⁶³ Булла *Dum diversas*.

⁶⁴ Richards, 5.

⁶⁵ Mack; see also *Venice and the Islamic World, 828–1797*; and Brotton.

⁶⁶ Ki-Zerbo and Tamsire Niane, 1–4; Lowe 2007, 118.

из таких людей был некий Джованни Эфиоп, или Зуан Бьянко («Бьянко», то есть «белый» – это, по-видимому, ироническое прозвище; примерно в то же время другого чернокожего при английском дворе называли Джоном Бланке). Мартин Санудо называл Зуана «самым отважным сарацином». Он погиб на венецианской службе в 1490-е годы, его вдова получила дом в Вероне и щедрую пенсию в 72 дуката в год (значительно больше заработка опытного рабочего)⁶⁷.

Но в мире оставались уголки, о которых европейцы все еще почти ничего не знали, даже если какой-то случайный товар или подарок добирался до них по торговым путям. Императору Сицилии Фридриху II в качестве подарка от «султана Вавилона» доставили белого какаду из Австралии (скорее всего, из Индонезии). Изображение этого попугая можно видеть в рукописи 1240-х годов⁶⁸. Но ни на одной европейской карте того периода не было места, где обитали эти удивительные птицы. Большая часть знаний об Индии у итальянцев XV века происходила не из рассказов очевидцев, но из трудов античных авторов, таких как Плиний Старший (23–79 г. н. э.) В «Естественной истории» Плиния есть разделы, посвященные жизни в Африке и Азии. Это один из первых античных текстов, увидевших свет в печатном виде в 1469 году. Еще более неизвестными для европейцев оставались американские цивилизации ацтеков и инков.

Центральная и Восточная Европа были знакомы лучше. Крупный центр развития искусств на границе Священной Римской империи создали король Венгрии (1458–1490) Матяш Корвин и его супруга, Беатриса Арагонская (дочь короля Неаполя Фердинанда I), на которой он женился в 1476 году. За Беатрисой в Венгрию последовали многие итальянцы, в том числе Бернардо Веспуччи⁶⁹, брат Америго Веспуччи, в честь которого была названа Америка. Итальянцы торговали и с Москвией, но связи эти были слабее, чем с западноевропейскими государствами, поскольку Московия не подчинялась Риму. Православная церковь откололась от западной Римско-католической церкви еще в XI веке после многочисленных конфликтов. Поэтому у правителей Восточной Европы не было нужды в контактах с Римом, как у правителей, епископов и паломников Запада. Но роскошные меха из Московии нужны были всем. (Меха поставляли через Новгород – город, расположенный южнее будущего Санкт-Петербурга и стоящий на реке, впадающей в Балтийское море). Кроме того, Московия поставляла и другие лесные товары, в частности воск и мед⁷⁰. Впрочем, не все территории, которые мы сегодня относим к Восточной Европе, были православными. Польша, к примеру, и тогда, и сейчас остается страной католической, равно как Венгрия и Богемия. Литва официально приняла христианство лишь в 1387 году. Венгрия оказалась не единственной страной, привлекательной для итальянских невест: в 1518 году Бона Сфорца из Милана вышла замуж за польского короля.

Зажатая между империями Габсбургов и османов, Венгрия находилась в непростом положении, поскольку обе империи стремились к расширению, да и собственная знать постоянно враждовала друг с другом. Османы оказывали давление на всех соседей, в том числе на египетских мамлюков и империю Сафавидов (Иран). Османские правители, так же как их западные соседи, считали военную экспансию основой королевского правления. Спустя поколение после завоевания Константинополя Османская империя стала главной политической силой в восточном Средиземноморье и на Балканах. В 1480 году Мехмед II, который двадцать восемь лет назад покорил древнюю восточную столицу Римской империи, устремил взгляд на столицу западную – на сам Рим.

Летом 1480 года, заручившись согласием Венеции не вмешиваться, Мехмед направил свои армии в Италию. Османы вторглись в Апулию и заняли город Отранто на самом кончике итальянского «каблука» на широте нынешней Албании. Отранто был ключом к Адриатике и

⁶⁷ Benedetti, 143; Sanuto 1883, 527.

⁶⁸ Dalton et al. Я благодарна Алексу Весту за информацию о возможном индонезийском происхождении.

⁶⁹ Fernández-Armesto 2007, 42.

⁷⁰ Crummey, 16–19.

имел важное стратегическое значение. Захват этого города был очень важен для истории Италии того времени. Стало ясно, что перспектива турецкого вторжения – это не пустая угроза, а практическая реальность, что вызвало большую тревогу среди итальянцев. Отранто был захвачен 11 августа 1480 года армией Гедика Ахмед-паши. Рим был так напуган, что папа Сикст IV начал планировать эвакуацию в Авиньон на юге Франции. Османы удерживали Отранто целый год. В историю вошли два страшных преступления, совершенных в это время. Первое – убийство архиепископа Стефано Пендинелли прямо в алтаре собора. (За два года до этого во время заговора Пацци во Флоренции в соборе тоже совершилось убийство, но на сей раз оно было совершено «неверными», что в корне изменило символику произошедшего.) Второе – резня на Монте Минерва, где были убиты 800 горожан, отказавшихся принять ислам. В течение года Отранто осаждали армии герцога Калабрии Альфонсо, сына короля Неаполя. В сентябре 1481 года османы отступили, но виной тому были не военная стратегия итальянцев и не подоспевшая им на помощь венгерская армия, а политическая нестабильность в Константинополе. За четыре месяца до этого в возрасте пятидесяти лет умер Мехмед II⁷¹. Главным наследием Отранто стал миф, сложившийся вокруг этого города. В 1771 году 800 погибших христиан были объявлены мучениками, а в 2013 году канонизированы, что говорит о сохранении символики Отранто для Италии, католической веры и истории «столкновения цивилизаций» христианства и ислама⁷².

Ученая конца XV века Лаура Черета не соглашалась с распространенным среди итальянских авторов убеждением в необходимости сражаться с турками. Хотя в публичных материалах она осуждала жестокость османов, но в то же время указывала на преступления итальянских солдат против женщин. Женщин насиловали, а при сопротивлении убивали⁷³. В принципе, на большей части территорий, покоренных Османской империей, выступлений против завоевателей практически не было. До захвата Константинополя высший сановник Византийской империи Лука Нотара замечал: «Лучше турецкий тюбан, чем римская кардинальская шляпа»⁷⁴. Впрочем, когда дело доходило до реальной жизни, люди быстро меняли принадлежность. Многие из тех, кого итальянцы называли «турками», на самом деле происходили с Балкан. Как и их итальянские противники, они воевали больше ради трофеев, чем из религиозных соображений. Именно алчность и диктовала отношение к гражданским лицам. То же самое можно сказать и о венгерских освободителях Отранто⁷⁵.

Так, в конце XV века Апеннинский полуостров был поделен между различными богатыми государствами, занимающими ведущее положение в экономике Европы и имеющими широкие торговые связи за ее пределами. Но государствам этим угрожали не только набеги с востока, но и претензии монархов севера и запада. В 1494 году одна из таких претензий вылилась в войну, которая терзала Италию более шестидесяти лет.

⁷¹ Soykut, 75–76.

⁷² Tommasino.

⁷³ Robin 2000, 372.

⁷⁴ Контекст этого апокрифического замечания см. Runciman, 71.

⁷⁵ Toomaspoeg.

Глава III. 1494: французское вторжение

В 1494 году Леонардо да Винчи работал в Милане при дворе правителя города Лодовико Сфорца. Среди множества заказов у него был и заказ на конную статую отца Лодовико, первого правителя Милана Франческо Сфорца. Колоссальные размеры статуи делали эту задачу трудновыполнимой. В записках Леонардо сохранились планы решения проблем первой отливки из бронзы, а затем высвобождения фигуры из формы. В 1493 году он завершил модель скульптуры к свадебным торжествам племянницы Лодовико, Бьянки Марии Сфорца, и императора Священной Римской империи Максимилиана. Но сомнения в возможности изготовления такой бронзовой фигуры оставались – и даже в том, действительно ли Леонардо намеревался выполнить работу. Леонардо поселился в Милане в 1482 году – прибыл сюда на мирные переговоры из Флоренции. Сфорца сразу оценил гений этого человека и мгновенно переманил его. В то время Леонардо было тридцать лет, и уже десять лет он был мастером гильдии святого Луки (гильдия художников и врачей). «Небесным произволением на человеческие существа воочию проливаются величайшие дары, – писал Джорджо Вазари, – зачастую естественным порядком, а порой и сверхъестественным; тогда в одном существе дивно соединяются красота, изящество и дарование»⁷⁶. Труд Вазари «Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» стал основополагающим трудом истории западного искусства. Вазари исследовал жизненный путь Леонардо да Винчи гораздо позже. Его преклонение перед сверхчеловеческим гением Леонардо просто поразительно.

Леонардо родился за сорок лет до этого, в 1452 году, в маленьком городке Винчи на флорентийской территории. Он был внебрачным сыном нотариуса, сера Пьеро, и юной сироты, Катерины ди Мео Липпи⁷⁷. В возрасте четырнадцати лет он стал учеником знаменитого флорентийского художника Андреа дель Верроккьо (у него же учились Гирандайо, Перуджино и Боттичелли). В 1472 году Леонардо стал мастером гильдии. Вместе с учителем он работал над прекрасным «Благовещением». Но в конце 1470-х годов у него возникли личные и политические проблемы. В 1476 году его и трех других обвинили в содомии, но хода делу не дали, и тот случай не повредил его карьере. Достоверной информации о сексуальных отношениях Леонардо не сохранилось – тот случай явно научил его осторожности и разборчивости. (В таких обвинениях не было ничего необычного: полицейские документы показывают, что большинство мужчин во Флоренции в конце XV века хотя бы раз имели сексуальные отношения с другими мужчинами⁷⁸.) Политические проблемы у Леонардо возникли в сложный момент после заговора Пацци 1478 года: в декабре Леонардо сделал набросок повешенного заговорщика Барнардо ди Бандино Барончелли⁷⁹. Как бы то ни было, переезд в Милан был весьма соблазнителен. Многие самые знаменитые работы Леонардо были написаны именно в Милане, в том числе «Мадонна в скалах» и фреска «Тайная вечеря» для трапезной доминиканского монастыря Санта-Мария-делле-Грацие. Леонардо был не только художником: он разрабатывал архитектурные планы Миланского собора, устраивал спектакли и развлечения для празднеств Лодовико и учился у географа Паоло Тосканелли, картами которого пользовался сам Колумб⁸⁰. Назначению в Милан предшествовало «рекламное» письмо, в котором Леонардо по пунктам перечислял «секреты», которыми он мог бы поделиться с герцогом и которые заметно превос-

⁷⁶ Brugnoli; Vasari 1912–1914, <https://ebooks.adelaide.edu.au/v/vasari/giorgio/lives/part3.1.html>.

⁷⁷ Подробное обсуждение документов см. Kemp and Pallanti, esp. Ch. 2. Слухи о том, что Катерина была рабыней, кажутся маловероятными.

⁷⁸ Rocke, 5.

⁷⁹ Эскиз ныне хранится в музее Бонне в Байонне.

⁸⁰ Strathern, 17–18.

ходили «творения рук тех несносных выскочек, которые воображают себя подлинными мастерами и изобретателями орудий войны». В письме он описывал планы мостов, осад, обстрелов, артиллерийских орудий, тайных ходов, крытых железом повозок (почти танков!), пушек, мортир и легких орудий, катапулт и «прочих замечательно эффективных приспособлений». Только в последнем пункте он добавлял, что в мирное время «не хуже любого другого способен полностью удовлетворить любые Ваши запросы в том, что касается архитектуры и строительства зданий... и в устройстве водопроводов», а также занимается скульптурой и живописью. Кроме того, Леонардо писал, что готов взяться за работы по отливке бронзовой лошади⁸¹. Сделать конный памятник ему так и не удалось, потому что после начала войны бронзу, предназначенную для памятника, Лодовико отправил своему тестю, герцогу Феррары Эрколе д'Эсте, для отливки пушек. Мы с вами еще будем говорить о военных экспериментах герцогов Эсте.

У Леонардо были веские основания подчеркивать свои военные навыки. Как и многие конфликты, Итальянские войны 1494–1559 годов начались с мелких разногласий. В первой главе мы говорили о том, как в 1442 году правители Милана и Неаполя объединились, чтобы противостоять французскому вторжению в Италию – Анжуйский дом давно претендовал на Неаполитанское королевство. Следующие пятьдесят лет выдались для Милана нелегкими. Милан был самым северным из великих итальянских городов и, как многие из них, некогда был центром Римской империи. С конца XII века Милан стал герцогством. Когда же в 1447 году умер последний герцог из династии Висконти, Филиппо Мария, город остался без правителя, и ремесленники и купцы пользовались значительным политическим влиянием в Амброзианской республике (название происходит от покровителя Милана, святого Амвросия, который, согласно легенде, был избран епископом гласом народа). Впрочем, республика просуществовала недолго. Через три года герцогом себя провозгласил Франческо Сфорца, муж внебрачной дочери Филиппо Марии, Бьянки Марии. Несмотря на стремления граждан к большей свободе, а правителей – к жесткому контролю, подобные события в XV–XVI веках происходили в Италии нередко. Папы всячески старались избавиться от угрозы, которую представляли для их власти свободолюбивые советы Флоренции и Сиены.

⁸¹ Leonardo 2008, 276–277.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.